

Научная статья

УДК 378.2(091)(470.41-25)

doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-124-134

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ИСТОРИКОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ КАЗАНИ В 1920-Е ГОДЫ

Людмила Александровна Бушуева

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, bushueva9@mail.ru

Аннотация. Показан процесс трансформации института профессорских стипендиатов историко-филологического факультета Казанского университета в систему подготовки кадров советских историков. В отличие от дореволюционного времени, в 1920-е гг. Казань не рассматривалась властями как центр подготовки учёных-историков, поэтому вплоть до начала 1930-х гг. здесь не была учреждена аспирантура по историческим специальностям. В работе показаны различные формы адаптации «старой профессуры» к этим неблагоприятным условиям. В частности, рассмотрен институт ассистентов-практикантов, который неформально функционировал на общественно-экономическом отделении Восточного педагогического института во второй половине 1920-х гг.

Ключевые слова: профессорские стипендиаты, историко-филологический факультет Казанского университета, аспирантура, Восточный педагогический институт, ассистенты-практиканты

Для цитирования: Бушуева Л. А. Опыт подготовки научно-педагогических кадров историков в высшей школе Казани в 1920-е гг. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 124–134.* URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-124-134

Original article

TRAINING FOR SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL PERSONNEL OF HISTORIANS IN THE HIGHER SCHOOL OF KAZAN IN THE 1920S

Ludmila A. Bushueva

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Kazan, Russian, bushueva9@mail.ru

Abstract. The paper shows the process of transformation of the Institute of Professorial Scholars of the Historical and Philological Faculty at Kazan University into the system of training Soviet historians. Opposed to pre-revolutionary times, in the 1920s the authorities did not consider Kazan as a center for historians training. Therefore, until the early 1930s there were no postgraduate studies in historical specialties. The paper shows various forms of adaptation of the “old professorship” to those adverse conditions. In particular, it considers the institute of trainee assistants, which informally functioned at the social and economic department of the Eastern Pedagogical Institute in the second half of the 1920s.

Keywords: professorial scholars, the Historical and Philological Faculty of the Kazan University, postgraduate study, Eastern Pedagogical Institute, trainee assistants

For citation: Bushueva LA. Training for Scientific and Pedagogical Personnel of Historians in the Higher School of Kazan in the 1920s. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology. 2023;(2):124-134.* (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-124-134

До революционных событий 1917 г. в российских университетах функционировала единая система воспроизводства научно-педагогических

кадров в виде института профессорских стипендиатов. Региональные различия в подготовке будущих учёных, в том числе и историков, могли выражаться в таких аспектах, как количество оставленных для подготовки к профессорскому

званию в том или ином университете, специфика межличностных коммуникаций между профессорскими стипендиатами и их научными руководителями, особенности подготовки и сдачи магистерских испытаний, в неравном доступе к различным ресурсам, необходимым для написания и защиты магистерской диссертации, например, научным командировкам для работы в архивах и библиотеках. Однако траектории карьерных путей российских дореволюционных исследователей от студенческой скамьи до профессорских должностей в целом были схожи [Некрылов, Фоминых, 2012; Скворцов, 2010].

После отмены учёных званий и степеней в 1918 г. в стране постепенно стала складываться новая советская система подготовки научно-педагогических кадров, в том числе и по историческим специальностям. В 1925 г. официально была учреждена аспирантура. Однако, как показывает региональный опыт, не все российские научно-учебные центры в равной степени оказались включены в эти процессы. В данной статье попытаемся проследить, каким образом дореволюционная практика оставления профессорских стипендиатов на историко-филологическом факультете Казанского университета трансформировалась в систему подготовки кадров советских историков для вузов Татарской АССР и каким образом данные изменения повлияли на облик сообщества историков высшей школы Казани 1920-х гг.

В дореволюционный период институт профессорских стипендиатов был главным механизмом воспроизводства научной смены в Казанском университете. Однако к началу XX в. система подготовки к профессорству на кафедрах русской и всеобщей истории находилась не в лучшем состоянии. Здесь преподавали всего два профессора — Дмитрий Александрович Корсаков и Николай Николаевич Фирсов, и не было ни одного приват-доцента и профессорского стипендиата [Бушуева, 2017, с. 132].

Не менее сложной была ситуация и на кафедре всеобщей истории. С 1881 г. единственным профессором здесь являлся И. Н. Смирнов. К началу XX в. у него не оказалось преемников, так как перспективный приват-доцент Э. Д. Гримм — будущий ректор Петербургского университета, уехал из Казани в 1899 г. Продолжателей дела профессора И. Н. Смирнова, скончавшегося в 1904 г., историко-филологическому факультету пришлось искать в других научных центрах. В 1901 г. из Московского университета в Ка-

зань приехал специалист по античной истории М. М. Хвостов, а в 1906 г. из Нежинского историко-филологического института в Казанский университет перешёл медиевист В. К. Пискорский.

Проблема отсутствия молодых преподавателей особенно остро дала о себе знать после Первой русской революции 1905–1907 гг., когда в Казанском университете выросло количество учащихся. Так, если в 1903 г. здесь числилось 968 человек, то уже к 1908 г. их число возросло до 2 868. В 1903 г. на историко-филологическом факультете училось всего 55 человек, а в 1908 г. уже 228 студентов [Бушуева, 2017, с. 133]. В 1906 г. профессор Д. А. Корсаков решился рекомендовать к оставлению для подготовки к профессорскому званию студента И. А. Стратонова. Начиная с 1908 г. своих учеников в качестве профессорских стипендиатов стал представлять и профессор Н. Н. Фирсов. Всего за период с 1903 по 1917 г. по кафедре русской истории историко-филологический факультет оставил девять человек. Среди них будущие известные казанские специалисты И. А. Стратонов, П. Г. Архангельский, В. П. Пономарев, В. И. Огородников, С. А. Пионтковский.

Из девяти профессорских стипендиатов троим удалось в полном объёме пройти магистерские испытания. Их прохождение давало возможность молодым учёным получить звание приват-доцента и начать в университете преподавательскую работу. Сдавшие магистерские экзамены И. А. Стратонов, В. И. Огородников, П. Г. Архангельский в 1910-х гг. были приняты в число приват-доцентов, а кафедра русской истории историко-филологического факультета Казанского университета впервые с 1891 г. пополнилась молодыми преподавателями.

Профессора всеобщей истории также сумели пополнить кафедру новыми специалистами. Профессор В. К. Пискорский весьма удачно выбрал двух выпускников факультета в качестве профессорских стипендиатов. Он предложил оставить для подготовки к профессорскому званию студентов Н. П. Грацианского — будущего известного советского историка-медиевиста и С. П. Сингалевича¹. И Н. П. Грацианский, и С. П. Сингалевич были также приняты на должности

¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2140. Л. 56. По сведениям И. Р. Фишера и В. И. Адо С. П. Сингалевич в 1917 г. получил учёную степень магистра, однако каких-либо сведений о защите магистерской диссертации Сингалевичем пока обнаружить не удалось [Фишер, Адо, 1996, с. 188.]

приват-доцентов историко-филологического факультета. Таким образом, накануне революционных событий 1917 г. казанским преподавателям удалось подготовить несколько специалистов, которым предстояло пережить трансформацию высшего исторического образования уже в советский период.

Несмотря на отмену учёных званий и степеней в октябре 1918 г., дореволюционный институт профессорских стипендиатов остался в неизменном виде и продолжил функционировать, в том числе и в Казанском университете. Советская система подготовки научных кадров, альтернативная дореволюционному «оставлению», стала развиваться главным образом в научно-исследовательских институтах [Гришина, 2014, с. 137; Цеховой, 2016, с. 16]. В Казани такие учреждения не были созданы, поэтому новое поколение историков здесь готовили при университете, придерживаясь дореволюционных традиций. Претендентов на профессорство по-прежнему отбирали факультеты по представлению преподавателей¹. В 1917 г. по рекомендации профессора Н. Н. Фирсова на кафедре русской истории были оставлены Е. И. Чернышёв и В. В. Овчинникова (Бургсдорф), в 1918 г. на кафедре всеобщей истории по ходатайству профессоров М. В. Бричкевича, Н. П. Грацианского и С. П. Сингалевича остался В. Т. Дитякин¹. С 1919 г. профессорским стипендиатом числился Г. С. Губайдуллин [Астафьев, 2003, с. 114], а в 1921 г. незадолго до закрытия факультета общественных наук профессорским стипендиатом по кафедре русской истории стала Милица Васильевна Нечкина². После преждевременной смерти от тифа профессора П. Г. Архангельского её научным руководителем стал Н. Н. Фирсов.

Планы подготовки «оставленных» в первые годы советской власти также утверждал факультет. Однако в сравнении с дореволюционным временем они стали носить более индивидуальный характер, их содержание соответствовало исследовательским темам начинающих учёных. Так, программа магистерских экзаменов М. В. Нечкиной, в сфере интересов которой было творчество В. О. Ключевского, состояла из следующих вопросов: В. О. Ключевский как социолог, школа экономического материализма в русской историографии, отношение крестьянства Казанской

губернии к проведению в жизнь Закона об отрубках (по материалам Казанского революционного архива — жандармского отделения и секретного стола губернатора), Судебник Ивана III как исторический источник, протопоп Аввакум, опричнина, история русского крестьянства, история русского рабочего движения³.

Кроме сдачи магистерских испытаний оставленные для подготовки к профессорскому званию должны были предоставить факультету письменные работы. Так, В. Т. Дитякин отчитывался рукописью исследования «Очерки внутренней истории Ломбардских городов»⁴, М. В. Нечкина в конце первого года оставления имела опубликованное исследование «Русская история в освещении экономического материализма (Историографический очерк), Казгосиздат, 1922, рукописные работы «Влияние законодательства французской революции на Конституцию Никиты Муравьёва (К истории идеологии декабристов)», «“Идеи” в историческом миросозерцании В. О. Ключевского» и другие⁵. Г. С. Губайдуллин представил работу «Опыт истории Хазарского каганата» [Астафьев, 2003, с. 114].

Опираясь на дневники М. В. Нечкиной, из других дореволюционных традиций подготовки историков в Казанском университете можно выделить индивидуальную работу профессоров и преподавателей с подопечным, которая выражалась в регулярных консультированиях и «беседах»⁶. Однако в сравнении с дореволюционным периодом имелись и немаловажные различия. В первые годы советской власти статус «оставленных для подготовки к профессорскому званию» стал носить номинальный характер. Чтобы начать профессиональную карьеру в вузе, молодым казанским историкам вовсе не обязательно было находиться в статусе профессорских стипендиатов. В рассматриваемое время все оставленные на историко-филологическом факультете⁷ преподавали в высших учебных заведениях Казани, открытых в первые годы советской власти, и таким образом как бы «уравнивались»

³ «...И мучилась, и работала невероятно». С. 612.

⁴ ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 5. Д. 48. Л. 38

⁵ «...И мучилась, и работала невероятно». С. 607.

⁶ Дневники М. В. Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.) / вступ. ст., коммент. и подготовка текста к публ. А. Н. Бикташевой. Казань : Изд-во Казанского университета, 2003. С. 31.

⁷ В 1921 г. историко-филологический факультет вошёл в состав факультета общественных наук Казанского университета.

¹ ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 3. Л. 11.

² «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М. В. Нечкиной / сост., автор вступ. ст. и коммент. Е. Р. Курапова. М., 2013. С. 213.

со своими университетскими наставниками, тогда как в дореволюционный период без сдачи магистерских испытаний невозможно было начать преподавательскую деятельность. Теперь же, ещё не получив свидетельства об окончании университета, М. В. Нечкина читала лекции в Казанских государственных художественно-технических мастерских, имевших статус вуза. Там она преподавала социологию искусства. В дневнике она отмечала, что в этом вузе она «как профессор»¹. Другой профессорский стипендиат Г. С. Губайдуллин работал в Восточной академии². В. Т. Дитякин в период своей подготовки к профессорскому званию в университете преподавал в Высшем институте народного образования³. Все они трудились в отделах и коллегиях Академического центра Татнаркомпроса, который курировал местные вузы.

В 1922 г. факультет общественных наук Казанского университета, где шла подготовка научных кадров историков, как и остальные гуманитарные подразделения вузов Казани, перешёл в Восточный педагогический институт (далее ВПИ). ВПИ являлся одним из многочисленных педагогических вузов, которые открывались в стране в начале 1920-х гг. Основной его задачей являлась подготовка учителей для школ второй ступени. Именно здесь до конца 1930-х гг. сосредоточилось высшее гуманитарное образование не только Казани, но и всей Татарской республики.

В Восточном педагогическом институте было организовано два гуманитарных отделения: словесно-историческое и восточное. Преподавателями этих подразделений стали бывшие сотрудники историко-филологического факультета Казанского университета (Н. Н. Фирсов, С. П. Сингалевич и другие), а также закончившие подготовку к профессорскому званию Е. И. Чернышёв, Г. С. Губайдуллин, В. Т. Дитякин⁴.

В это же время, параллельно дореволюционной практике «оставления», в Казани начала функционировать новая институция, регулирующая процесс подготовки научной смены. 25 мая 1923 г. вышел циркуляр ЦК об организации комиссий при губкоммах по подбору кандидатов в научные сотрудники высших учебных заведений⁵. Такие

должности для начинающих учёных уже существовали в Социалистической академии и МГУ [Гришина, 2014, с. 139–140]. Эти комиссии должны были состоять из представителей губкомов, губернских советов профессиональных союзов, коммунистических фракций секций научных работников губернских отделов профессиональных союзов работников просвещения, членов правления вузов из «представителей коммунистов», бюро партийных ячеек вузов. В их задачу входило «намечать кандидатов из состава студентов, оканчивающих вуз, как на свободные в настоящее время, так и на имеющиеся освободиться в течение предстоящего учебного года, вакансии научных сотрудников, как штатные, так и сверхштатные»⁶.

Первую комиссию по подбору будущих преподавателей вузов в Казани организовал Татарский обком РКП(б). Её председателем стал представитель областного комитета Декапольский, членами комиссии являлись заведующий культурным отделом Татарского совета профессиональных союзов Ш. Г. Ахмадиев, заведующий рабочим факультетом университета М. К. Корбут, директор Казанского института научной организации труда И. М. Бурдянский и Гнатовский⁷. Таким образом, преподавательские коллективы высших учебных заведений города лишились права самостоятельно выдвигать претендентов для подготовки научной смены. Сведений о Декапольском и Гнатовском нам обнаружить не удалось, а вот об остальных участниках комиссии можно сказать, что их профессиональные биографии сильно отличались от карьерных путей дореволюционной профессуры. Ш. Г. Ахмадиев учился в уфимском медресе «Галия», в 1920–1921 гг. был редактором газеты «Кызыл Шарык», наркомом просвещения Туркестанской АССР⁸, М. К. Корбут — выпускник Казанского университета 1922 г., недавний «политически активный студент», являлся главой рабфака и уполномоченным Истпарта в Казани [Литвин А. А., 2009, с. 17]. И. М. Бурдянский учился в Казанском политехническом институте. Кроме них в обсуждении кандидатур на должности научных сотрудников принимали участие представители партийных ячеек вузов Казани. До 1925 г., когда в высших учебных заведениях города начала

¹ «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М. В. Нечкиной / Сост., автор вступ. ст. и комментариев Е. Р. Курапова. М., 2013. С. 203, 205.

² ГА РТ. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

³ Там же. Ф. Р-1487. Оп. 1л. Д. 6. Л. 278.

⁴ Там же. Д. 39. Л. 139 об.

⁵ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1044. Л. 1.

⁶ ГА РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1044. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Татарская энциклопедия : в 5 т. Т. 1 : А—В. Казань : Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. С. 236.

функционировать аспирантура, комиссия была главным органом по подбору молодых учёных, хотя некоторые попытки со стороны вузовского сообщества противостоять этой институции всё же были. Так, профессора медицинского факультета университета попытались создать институт экстернов-ординаторов, которых могли бы выбирать представители факультета. Однако этот проект не утвердило университетское правление [Корбут, 1930, с. 320].

В июне 1923 г. Восточный педагогический институт представил комиссии 17 кандидатур на утверждение в качестве научных сотрудников¹. По кафедре русской истории была выдвинута М. В. Нечкина, по кафедре всеобщей истории — В. Ф. Семенов и Ревекка Абрамовна Авербух, последнюю комиссия не утвердила². В Восточном педагогическом институте оказалось всего два историка, которые готовились к научной деятельности.

Ликвидация исторического образования в университете, непрекращающаяся реструктуризация вузов в городе, по-видимому, заставляли молодых учёных чувствовать неопределённость своего положения и осознавать отсутствие перспектив. Их взоры всё чаще обращались к столичным научным центрам. Ещё в 1921 г., получив научную командировку, в Москву уехала профессорская стипендиатка В. В. Овчинникова (Бургсдорф)³. В столицу также отправилась не утверждённая специальной комиссией по подбору научных сотрудников Р. А. Авербух. Там она училась в аспирантуре Института истории РАНИОН, впоследствии преподавала в МГУ [Пушкарева, 2012, с. 237]. Наконец, в январе 1924 г. Казань покинула Милица Васильевна, став вольнослушательницей Института красной профессуры. Через год за девушками последовал и В. Ф. Семенов — близкий друг М. В. Нечкиной. До своего отъезда в Москву он представил словесно-исторической предметной комиссии сочинение, посвящённое французскому философу К. Сен-Симону⁴. Переехать в столицу, по-видимому, убедила В. Ф. Се-

¹ Во внутренней делопроизводственной документации Восточного педагогического института они продолжали именоваться профессорскими стипендиатами // ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 39. Л. 167 об.

² ГА РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1044. Л. 14

³ ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 3. Л. 23.

⁴ Курапова Е. Р. «Как чудно жить, понимать и участвовать в этой жизни». Письма к М. В. Нечкиной. 1924–1927 гг. // Исторический архив. 2007. № 6. С. 122.

менова М. В. Нечкина. Она же помогала земляку устроиться на новом месте. «Ваше письмо, где Вы пишете о переводе моём в Москву, я получил. В Москву, конечно, перейти нужно... Вывод — или в Разумовку, или в какой-нибудь московский рабфак, устраивайте с условием с осени 1924 г...», — писал ей Семенов 17 февраля 1924 г.⁵ Впоследствии он закончил аспирантуру Института истории РАНИОН, стал заведующим кафедрой истории средних веков МГПИ им. В. И. Ленина. Таким образом, Казань постепенно лишалась перспективных молодых историков.

С 1925 г., как известно, начался интенсивный процесс институционализации советской аспирантуры. Если взглянуть на перечень высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, в которых готовили аспирантов, то можно отметить в этом списке небольшое количество провинциальных вузов⁶. Так, по данным на 1926–1927 гг. в Казани аспирантура предусматривалась только по сельскохозяйственным специальностям в ветеринарном институте и институте сельского хозяйства и лесоводства⁷. Руководители Восточного педагогического института регулярно отправляли в различные советские инстанции прошения открыть аспирантуру. Как отмечал ректор С. П. Сингалевич: «этого права [на аспирантуру] институту не дано. Такое положение в корне уничтожает всякую возможность пополнения вуза молодыми научными силами, вышедшими из недр института...»⁸

Однако, несмотря на отсутствие аспирантуры, в 1926 г. предметные комиссии ВПИ начали отбор способных учащихся для подготовки к научной деятельности. Хотя специальное историческое подразделение в вузе уже закрылось⁹, научные кадры историков продолжили готовить преподаватели общественно-экономического отделения.

⁵ Курапова Е. Р. «Как чудно жить, понимать и участвовать...» С. 120.

⁶ Справочник аспиранта / под ред. и с предисл. М. Н. Покровского. М. ; Л. : Государственное издательство, 1927. С. 31–38.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Из докладной записки ректора Восточного педагогического института Госплану ТАССР о состоянии института на 1-е марта 1926 г. // Культурная революция в Татарии (1917–1937 гг.). Казань, 1986. С. 276.

⁹ В 1925 г. словесно-историческое отделение Восточного педагогического института было преобразовано в общественно-экономическое отделение.

Из-за скудности сохранившихся документов и свидетельств довольно сложно сказать, кому принадлежала идея учредить в институте должности ассистентов-практикантов. Однако вполне можно утверждать, что эта инициатива исходила от преподавательского коллектива, а не от руководящих органов, вроде Народного комиссариата просвещения РСФСР или Академического центра Наркомпроса ТАССР. Об этом, в частности, свидетельствует отчёт уполномоченного по делам высших учебных заведений Казани Н. З. Векслина, инспектировавшего ВПИ в 1927 г. В своём отчёте он писал о практике подготовки ассистентов в вузе как о совершенно новом явлении, «заслуживающем отдельного внимания»¹. По-видимому, ассистенты-практиканты появились в ВПИ по инициативе ректора Сергея Платоновича Сингалевича. Как уже упоминалось, он являлся специалистом по всеобщей истории, прошедшим школу «оставленных для подготовки к профессорскому званию». В первые годы советской власти С. П. Сингалевич преподавал в университете, работал директором опытной показательной школы при педагогическом институте, а с 1922 г. стал руководителем ВПИ. До революции он занимался широким кругом проблем античной истории и истории европейских стран в средние века [Фишер, Адо, 1996, с. 188]. После революции 1917 г. в своих исследованиях учёный сосредоточился на проблемах, посвящённых методике преподавания обществоведения, хотя и некоторые работы посвятил вопросам истории Великой французской революции.

В 1925/1926 учебном году профессор С. П. Сингалевич и его коллеги отобрали в число ассистентов-практикантов по кафедре методики преподавания обществоведения семь студентов: В. И. Адо, А. М. Ефимову, В. М. Хвостова, Р. Ш. Тагирова, Е. Н. Осипову, Л. Бурлянд, А. Д. Шапиро. В связи с тем, что институт ассистентов-практикантов существовал неформально, отобранные учащиеся не получали специальных стипендий и не освобождались от основных учебных обязанностей. С другой стороны, отсутствие формальной регламентации позволило преподавателям утвердить их в правлении вуза, не оглядываясь на студенческую партийную ячейку. Хотя положение ВПИ от 17 марта 1925 г. декларировало, что выдвижение в ассистенты должно проходить путём «строгого отбора наиболее ценных кандидатов из среды пролетарского

студенчества»², при выборе этот принцип не соблюдался. Так, В. М. Хвостов являлся сыном профессора М. М. Хвостова, В. И. Адо — из семьи казанского инженера, Р. Ш. Тагиров был сыном учителя каллиграфии Казанского коммерческого училища Ш. А. Тагирова. Отобранные студенты также не являлись членами ВЛКСМ и не входили в число партийных активистов института. Однако все они отличались активной общественной и педагогической деятельностью³. Участие в общественной работе являлось важным показателем, по которому судили о студентах 1920-х гг. На этот фактор обращали внимание и предметные комиссии ВПИ не меньше, чем на академическую успеваемость. Ассистенты-практиканты работали в области ликвидации неграмотности при воинских подразделениях города и местах лишения свободы: полковой школе, гарнизонной хлебопекарне, Центральном доме заключённых, Пересыльном доме⁴. Общественно-педагогическую работу зачастую они вели в ущерб учебному процессу. Так, одна из ассистенток-практиканток Е. Н. Осипова, работавшая в Центральном коммунистическом клубе, в котором был организован один из первых в ТАССР отряд пионеров, признавалась: «В ВПИ благодаря таким условиям почти не бываю, осиливаю только нажимом кое-какие обязательные минимумы. Хотя и хочется учиться, чувствуешь, что много навыков получишь и для практической работы, но жизнь, служба пересиливают, не оставляя ни времени, ни сил. Часть с утра или с 12 часов дня работаешь в ЦКК. До полуночи или до часу. Много времени отнимает... подготовка к занятиям с пионерами»⁵. Тем не менее руководитель Е. Н. Осиповой профессор С. П. Сингалевич отмечал, что она «обнаружила глубокий интерес и серьёзное жизненное понимание таких вопросов обществоведческого порядка вообще так и вопросов методики обществоведения»⁶.

Преподаватели общественно-экономического отделения ВПИ разработали для ассистентов-практикантов специальные инструкции, согласно которым их деятельность велась в двух направлениях⁷. Первым и основным направлением

¹ ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 172. Л. 95

² ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 208. Л. 99.

³ Там же. Оп. 1л. Д. 129. Л. 2–10 об.

⁴ Адо В. И. Вспоминая о прошлом. Записки русского интеллигента XX в. // Казань. 2000. № 9–10. С. 47.

⁵ ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1л. Д. 129. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ Там же. Л. 1.

работы являлось методическое направление. Ассистенты-практиканты должны были осваивать общую и специальную методическую литературу, тщательно изучать программы по обществоведению для средней школы, составленные Государственным учёным советом, учебные планы, которые использовались в Татарской республике, Ленинграде, Москве и на Урале¹.

После проработки теоретического материала студенты отправлялись на методическую практику по своей специальности. Практика проходила под наблюдением и руководством представителя кафедры методики обществоведения. В данный период ассистентов-практикантов курировала Евгения Гинзбург, являвшаяся штатным преподавателем кафедры. Ассистенты-практиканты занимались организационной работой: дежурили в кабинете обществоведения во время занятий, помогали подбирать учащимся учебную литературу из библиотечного фонда кабинета, давали простые консультации отстающим студентам, участвовали в организации занятий институтских кружков по изучению марксизма и «текущей политике». Таким образом, за счёт ассистентов-практикантов в Восточном педагогическом институте шла реализация активных методов обучения. За два года работы они также сумели подготовить несколько пособий по методике преподавания обществоведения².

Второе направление подготовки начинающих специалистов предполагало проведение собственно исторических исследований. Нужно отметить, что С. П. Сингалевич, как специалист по методике преподавания, был против полного исключения исторического материала из школьного курса обществоведения. В ряде работ он настаивал на том, что для продуктивного применения активных методов обучения, в частности, экскурсионного, важна исследовательская работа историка: «в современной культуре вообще мы находим мощные пласты прошлого, поскольку возрождённая революцией культура... должна искать и находить для себя здоровые корни»³.

¹ ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1л. Д. 129. Л. 1.

² Адо В. И., Ефимова А. М. Содержание и методика современной обществоведческой работы. Казань, 1926; Хвостов В. М. К вопросу об истории и современности в школьном курсе обществоведения. Казань, 1926 и др.

³ Старая и новая Казань. Культурно-исторические экскурсии / под ред. проф. С. П. Сингалевича. Казань: Издание Академического центра Татаркомпроса, 1927. С. 8.

Однако специфические условия педагогического вуза, в которых находились начинающие учёные и их наставники, сильно влияли на особенности организации собственно исторического, исследовательского направления работы. Несмотря на то, что руководители ассистентов-практикантов С. П. Сингалевич и М. Д. Бушмакин были специалистами по всеобщей истории, тематика исследований, которую они предлагали своим подопечным, была краеведческой, связанной с историей Казани и Татарской АССР. Именно эти вопросы для гуманитариев ТАССР считались в тот период наиболее актуальными. Кроме того, исследования должны были иметь практический выход, в связи с этим они тесно связывались с методической работой кафедры. Наконец, индивидуальных тем у ассистентов-практикантов не было, они работали в группе, что в целом соответствовало требованиям по подготовке аспирантов середины 1920-х гг. [Гришина, 2014, с. 139].

Первой общей исследовательской проблематикой, над которой трудились молодые учёные, стало изучение различных аспектов истории Казани. Итогом этой деятельности явился выход в 1927 г. сборника «Старая и новая Казань. Культурно-исторические экскурсии» под редакцией С. П. Сингалевича. В это издание вошли статьи его учеников В. И. Адо и В. М. Хвостова. Статья Владимира Михайловича была посвящена «купеческой» Казани. Он описал части города, где в XIX — начале XX в. жили казанские купцы, отдельно рассмотрел татарскую слободу и показал особенности организации жилищного пространства татарского купечества. С. П. Сингалевич в предисловии отметил: «как оказалось, что в существующей литературе материал по купеческой Казани XIX в. почти не разработан, и В. М. Хвостову пришлось провести совершенно самостоятельную экскурсионно-исследовательскую работу в этой области»⁴. Очерк В. И. Адо был посвящён истории башни Сююмбике — одному из самых известных памятников Казани.

Сборник, выпущенный Сингалевичем и его учениками, получил признание у краеведов и экскурсоводов. Однако вопросы местной истории, хотя и представляли собой широкое исследовательское поле, не были приоритетными в сфере интересов молодых учёных, а заниматься другими научными проблемами в условиях педагоги-

⁴ Старая и новая Казань. Культурно-исторические экскурсии / под ред. проф. С. П. Сингалевича. Казань: Издание Академического центра Татаркомпроса, 1927. С. 4.

ческого вуза ТАССР было весьма затруднительно. По-видимому, желание специализироваться по античной истории побудило В. М. Хвостова покинуть Восточный педагогический институт. В 1927–1928 гг. он уже являлся научным сотрудником 2-го разряда в секции древней истории Института истории РАНИОН [Скворцов, 2016, с. 179].

В 1926/1927 учебном году общественно-экономическая предметная комиссия Восточного педагогического института рекомендовала к оставлению в качестве ассистента-практиканта на кафедре методики обществоведения Евгения Грачева. В его учебной программе был ряд изменений, которые можно охарактеризовать как «возврат» к дореволюционным традициям подготовки профессорских стипендиатов. Так, протоколы общественно-экономической предметной комиссии свидетельствуют, что оставленный специализировался по русской истории, а не по методике обществоведения, как его предшественники. У Е. В. Грачева была собственная исследовательская тема «Жизнь и быт казанской фабрики 1860–1917 гг.». Его научным руководителем являлся М. К. Корбут, консультировал начинающего историка также профессор Николай Николаевич Фирсов¹. Индивидуальный подход к этому студенту М. К. Корбут объяснял тем, что у его подопечного уже был опыт написания научных работ. В 1926 г. Грачев подготовил для испартодела Татарского обкома ВКП(б) исследование «Казанский Октябрь (материалы и документы). Хроника революции 1917 г.». В качестве ассистента-практиканта он изучал не методические программы по преподаванию обществоведения, а исследовательскую литературу: работы И. М. Кулишера («История русского народного хозяйства»), М. И. Туган-Барановского («Русская фабрика в её прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в.») и другие, а также прорабатывал сохранившиеся в Казани архивные документы рабочей инспекции¹. Однако завершить своё исследование Е. В. Грачев не сумел.

Программа подготовки ассистентов-практикантов просуществовала всего около трёх лет, прекратившись в 1928 г. Причиной тому послужило ослабление административного влияния в вузе С. П. Сингалевича — главного вдохновителя этой программы. В связи с политикой коренизации, которая активно развивалась в этот период в Татарской республике, он был снят с поста ректора². Вместо него главой вуза стал Г. Г. Кудояров —

¹ ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 170. Л. 20

² ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 231. Л. 7

бывший заместитель председателя Совета народного хозяйства ТАССР. Кроме того, после выхода резолюций ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г., касающихся реформирования высшего образования, руководство института предприняло срочные меры для изменения преподавательского и студенческого состава в сторону увеличения национальных кадров, членов партии и ВЛКСМ³. Правление института во главе с новым ректором выбрало из числа студентов старших курсов 20 «выдвиженцев», подходящих под указанные критерии. Сразу после окончания института их зачислили в штат ВПИ на должности ассистентов, то есть младших преподавателей, без какой-либо предварительной подготовки. Часть новых сотрудников пригласили и из республиканских органов власти. В списках кадрового состава ВПИ появились такие преподаватели, как Ф. Сайфи (история революционного движения), работавший в середине 1920-х гг. заместителем наркома земледелия ТАССР, Г. Нигмати (история татарской литературы) — главный редактор Татарского издательства, Садретдинов (история народов СССР), Р. Е. Еникеев (история революционного движения среди татар), А. З. Надыров (экономическая политика) и другие⁴. Из бывших ассистентов-практикантов в штат вуза был принят только Р. Ш. Тагиров. В. М. Хвостов, как уже упоминалось, поступил в аспирантуру Института истории РАНИОН. В. И. Адо преподавал в должности ассистента в Татарском коммунистическом университете, А. М. Ефимова работала школьным учителем, позднее она возглавила исторический отдел Государственного музея ТАССР⁵.

Одновременно в ВПИ начались идеологические кампании против «старой» профессуры, в результате чего из института ушёл авторитетный историк Н. Н. Фирсов и его младшие коллеги: историк Е. И. Чернышёв, этнограф Н. И. Воробьёв, археолог В. Ф. Смолин, пошатнулся авторитет профессоров С. П. Сингалевича и М. Д. Бушмакина⁶. Здесь нужно отметить, что не последнюю роль в трагическом окончании научной деятельности Фирсова сыграл его бывший подопечный — ассистент-практикант Е. В. Грачев⁷.

В начале 1930-х гг. произошла полная реорганизация Восточного педагогического института,

³ Там же. Д. 219. Л. 132.

⁴ Там же. Л. 21–21 об.

⁵ Адо В. И. Вспоминая о прошлом... С. 95, 100.

⁶ Там же. С. 96–98.

⁷ Грачев Е. В. Против реакционной фирсовщины // Красная Татария. 1931. 29 января.

переименованного в Татарский педагогический институт. На некоторый период подготовка научных кадров историков здесь прекратилась. Аспирантов по историческим дисциплинам в ТАССР стал готовить открытый в 1930 г. Татарский научно-исследовательский экономический институт, в составе которого был отдел культуры и быта с сектором (кабинетом) истории. Однако здесь был довольно ограниченный круг аспирантов, включавший в себя прежде всего молодых людей из «татар-рабочих и выходцев из бедняцко-средняцких слоёв»¹. Подготовкой специалистов в институте занялись учёные из числа «выдвиженцев», не имевшие связей с историко-филологическим факультетом Казанского университета: Н. Н. Эльвов, С. С. Атнагулов и другие.

Таким образом, в первые годы советской власти подготовка профессорских стипендиатов на кафедрах русской и всеобщей истории историко-филологического факультета Казанского университета велась с опорой на дореволюционные традиции, под руководством специалистов, профессиональное становление которых пришлось на имперский период. Однако ликвидация исторического образования в Казанском университете и передача прав отбора молодых исследователей в научные сотрудники вузов специальной комиссии, связанной с Татарским обкомом РКП(б), спровоцировали отток ряда перспективных исследователей из Казани в столичные научные учреждения, в частности в Институт истории РАН-ИОН. Для провинциального научно-учебного центра, каковым являлась Казань в рассматриваемый период, отъезд даже нескольких молодых специалистов (М. В. Нечкиной, В. В. Овчинниковой (Бургсдорф), В. Ф. Семенова) являлся существенной потерей, восполнить которую в условиях первых послереволюционных лет было чрезвычайно сложно. Стоит отметить, что после отъезда в Москву В. Ф. Семенова на словесно-историческом отделении Восточного педагогического института не оказалось научных сотрудников, специализировавшихся по историческим наукам.

¹ Корбут М. К. Татарский научно-исследовательский экономический институт // Красная Татария. 1930. 25 июля.

В 1926 г. сложившуюся ситуацию попытались исправить преподаватели общественно-экономического отделения Восточного педагогического института. Несмотря на запрет иметь аспирантов, они стали инициаторами появления в вузе института ассистентов-практикантов, в подготовке которых сочетались как дореволюционные традиции работы с профессорскими стипендиатами, так и новые советские веяния. Главную роль в реализации этой программы сыграл первый ректор ВПИ С. П. Сингалевич. Ему и его коллегам удалось подготовить несколько незаурядных специалистов не только в области методики преподавания обществоведения, но и историков, способных проводить научные изыскания.

В конце 1920-х гг. после снятия С. П. Сингалевича с поста ректора набор ассистентов-практикантов в вузе прекратился. Сами бывшие ассистенты, несмотря на специальную подготовку, не получили возможность преподавать на гуманитарных факультетах ВПИ (за исключением Р. Ш. Тагирова), так как не вписывались в критерии «выходцев из бедняцких слоёв» или «национальных кадров», приём которых был здесь в приоритете. На карьерном росте молодых учёных также негативно сказались идеологические кампании, затронувшие в начале 1930-х гг. их учителей — профессоров С. П. Сингалевича и М. Д. Бушмакина². Однако последующая профессиональная деятельность В. И. Адо, Р. Ш. Тагирова, А. М. Ефимовой, В. М. Хвостова показала, что, несмотря на краткосрочность, программа подготовки ассистентов-практикантов принесла свои плоды. В. М. Хвостов стал одним из авторитетных специалистов по истории Нового времени, другие его коллеги заняли видное место в казанском историческом сообществе. В. И. Адо и Р. Ш. Тагиров работали с 1939 г. в Казанском университете, восстанавливая здесь традиции преподавания всеобщей истории, утраченные в 1920-е гг. [Королев, 1996, с. 105], А. М. Ефимова руководила историческим отделом Государственного музея ТАССР и являлась одной из ярких представительниц казанской археологии [Руденко, 2021, с. 147–148].

² Адо В. И. Вспоминая о прошлом. Записки русского интеллигента XX в. // Казань. 2000. № 9–10. С. 96–98.

Список литературы

1. Астафьев В. В., Галиуллина Д. М., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. Казань : Издательство Казанского университета, 2003. 180 с.

2. Бушуева Л. А. Профессорские стипендиаты кафедры русской истории Казанского университета в начале XX в.: некоторые черты коллективной биографии // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова). VII Арсентьевские чтения. Т. 1. Чебоксары : Среда, 2017. С. 132–136.
3. Гришина Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка : историографический сборник / отв. ред. В. П. Корзун. Омск, 2014. Вып. 9. С. 138–145.
4. Корбут М. К. Казанский университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05 — 1929/30: в 2 т. Т. 2. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1930. 198 с.
5. Литвин А. А., Маслова Е. С., Сальникова А. А. Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899–1937). Казань : Изд-во Казанского государственного университета, 2009. 125 с.
6. Королев В. С. Историк Василий Иванович Адо (1905–1995 гг.) // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции : материалы межвузовской научной конференции. Казань : Форт Диалог, 1996. С. 105–107.
7. Некрылов С. А., Фоминых С. Ф. «Институт профессорских стипендиатов» как метод подготовки научно-педагогических кадров для университетов России в конце XIX — начале XX в. (на примере Томского университета) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы. Томск : Изд-во Томс. ун-та, 2012. С. 51–65.
8. Пушкарева Н. Л. Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 1 (18). С. 228–245.
9. Руденко К. А. Гендерные аспекты казанской археологии во второй половине XIX–XX вв. // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 145–152.
10. Скворцов А. М. Подготовка и защита магистерских диссертаций в XIX в.: опыт учеников М. С. Куторги // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2010. № 9. С. 451–468.
11. Скворцов А. М. Подготовка кадров высшей квалификации по античной истории в СССР 1920-х — начале 1930-х гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 177–184.
12. Фишер И. Р., Адо В. И. С. П. Сингалевич: творческий поиск. Судьба наследия // История и историография зарубежного мира в лицах : межвузовский сборник научных статей. Вып. 1. Самара : Самарский университет, 1996. С. 187–198.
13. Цеховой Н. П. Подготовка научных и научно-педагогических кадров в СССР (1920-е — 1991 гг.): региональный опыт. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2016. 199 с.

References

1. Astafiev VV, Galiullina DM, Malysheva SYu, Salnikova AA. *Izuchenie i prepodavanie otechestvennoi istorii v Kazanskom universitete = Studying and Teaching National History at Kazan University*. Kazan: Kazan University Publ.; 2003. 180 p. (In Russ.).
2. Bushueva LA. Professorial fellows of the Department of Russian History of Kazan University at the beginning of the XX century: some features of the collective biography. In: *Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiju Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. N. Ul'janova). VII Arsent'evskie chtenija = Paradigms of university history and prospects for university studies (to the 50th anniversary of the Chuvash State University named after I. N. Ulyanov). VII Arsentiev readings. Vol. 1. Cheboksary, Sreda Publishing House LLC; 2017. Pp. 132–136. (In Russ.).*
3. Grishina NV. From “left to prepare for a professorship” to Soviet graduate: transformation of the system of reproduction scientific staff in 1860–1920-es. *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik = The world of a historian. Historiographic collection*. Iss. 9. Omsk, 2014. Pp. 138–145. (In Russ.).
4. Korbut MK. *Kazanskiy universitet imeni V. I. Ul'yanova-Lenina za 125 let. 1804/05–1929/30 = Kazan University named after V. I. Ulyanov-Lenin for 125 years. 1804/05–1929/30*. In 2 vols. Vol. 2. Kazan, Kazan University Publ.; 1930. 382 p. (In Russ.).
5. Litvin AA., Maslova ES, Sal'nikova AA. *Zhizn' i sud'ba “krasnogo” professora: Mihail Ksaver'evich*

Korbut (1899–1937) = The life and fate of the “red” professor: Mikhail Ksaverievich Korbut (1899–1937). Kazan, Kazan Publishing House; 2009. 125 p. (In Russ.).

6. Korolev VS. Historian Vasily Ivanovich Ado (1905–1995). *Istoricheskaja nauka v Tatarstane: issledovatel'skie i pedagogicheskie tradicii: Materialy mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii = Historical science in the Republic of Tatarstan: scientific and pedagogical traditions: Materials of the Interuniversity Scientific Conference*. Kazan, Fort Dialogue; 1996. Pp. 105–107.

7. Nekrylov SA, Fominykh SF. “The Institute of Professorial Scholars” as a method of training of scientific and pedagogical personnel for universities of Russia in the late 19th — early 20th centuries (a case study of Tomsk University). *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus rossijskikh universitetov. 1884–1917 gg.: issledovaniya i dokumenty = Teaching staff of Russian universities. 1884–1917: research and documents*. Tomsk, Tomsk University Publ.; 2012. Pp. 51–65. (In Russ.).

8. Pushkareva NL. Women-Historians in Russia in 1810–1917. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija = Bulletin of Perm University. History*. 2012;1(18):228-246. (In Russ.).

9. Rudenko KA. Gender aspects of Kazan archeology in the second half of the 19th — 20th centuries. *Arheologija Evrazijskih stepej = Archeology of the Eurasian steppes*. 2021;(5):145-152. (In Russ.).

10. Skvortsov AM. The preparation and the defense of the master dissertations in the 19th century: experience of the M. S. Kutorga's pupils. *Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira = Mnemon. Research and publications on the history of the Ancient World*. 2010;(9):451-468. (In Russ.).

11. Skvortsov AM. Training of highly qualified personnel in the classical studies of the Soviet Union in the 1920s — early 1930s. *Magistra Vitaye: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii = Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2016;(2):177-184. (In Russ.).

12. Fisher IR, Ado VI. S. P. Singalevich: creative search. The fate of the heritage. *Istorija i istoriografija zarubeznogo mira v licah. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej = History and historiography of the foreign world in faces. Interuniversity collection of scientific articles*. Iss.1. Samara, Samara Universite Publ., 1996. Pp. 187–198. (In Russ.).

13. Cehovoj N. P. *Podgotovka nauchnyh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov v SSSR (1920-e — 1991 gg.): regional'nyj opyt = Training of Scientific and Scientific-pedagogical personnel in the USSR (1920–1991): regional experience*. Tomsk, Tomsk University Publ. 2016. 199 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. А. Бушужева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

L. A. Bushueva — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.